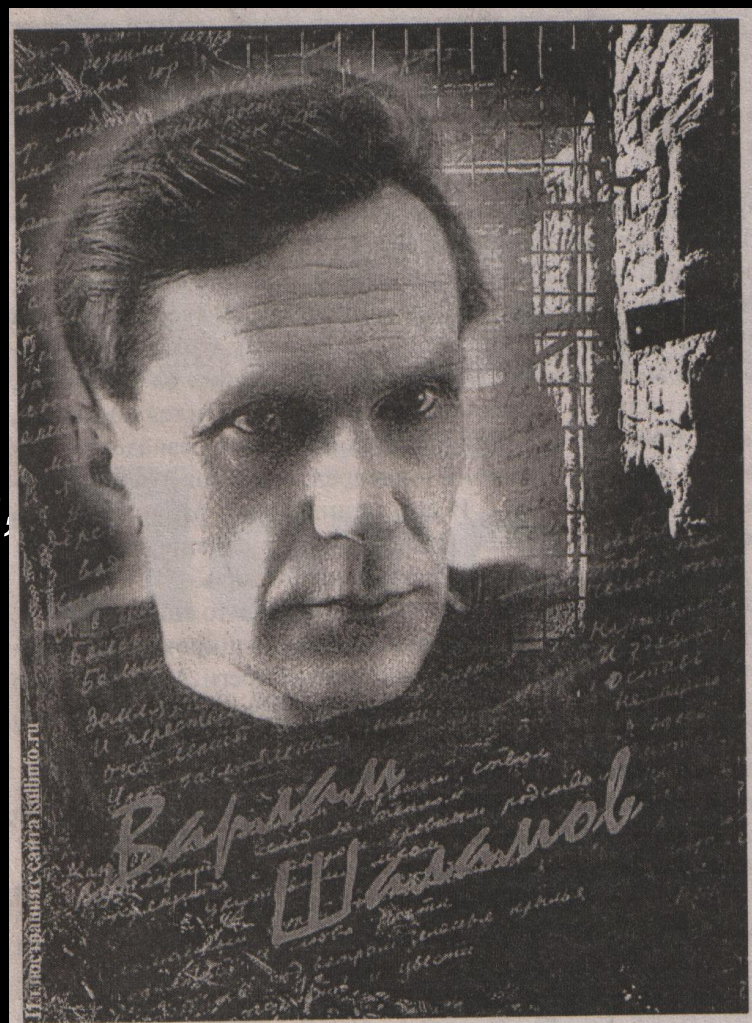

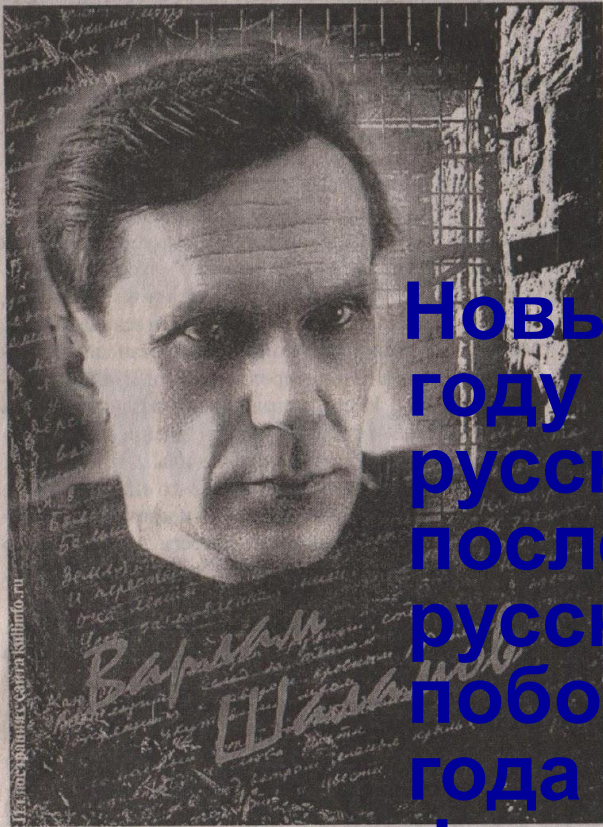
Варлам Шаламов (1907 – 1982, 17 января)

*"Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей."
(«Жар-птица»)*

...Варлам Тихонович Шаламов родился в 1907 году в Вологде, в семье священника. Отец его был человеком прогрессивных взглядов, поддерживал связи со ссыльными, жившими в Вологде. В своей автобиографической повести о детстве и юности "Четвертая Вологда" Шаламов рассказывает, как формировались его убеждения, как жажда справедливости стала для него чем-то вроде навязчивой идеи.

- В 1924-м Шаламов уезжает в Москву и, два года проработав дубильщиком на кожевенном заводе, поступает в МГУ на факультет советского права, при этом активно участвуя в бурлящей столичной жизни: митинги и литературные диспуты, демонстрации и чтение стихов...
- 19 февраля 1929 года Шаламов был арестован за "антисоветскую пропаганду" и был приговорен к трем годам лагерных работ на Северном Урале.
- «Вернулся в Москву в 1932 году «и крепко стоял на всех четырех лапах». Стал работать в журналах, писать, перестал замечать время, научился отличать в стихах свое и чужое... Готовилась книжка рассказов. План был такой: в 1938 году первая книжка прозы. Потом вторая книжка. Сборник стихов».

Варлам ШАЛАМОВ

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя
зальет страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди шетинящихся гор,
Друзья просят
слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые

Буеет

Цветы на голом
горном склоне
Где для ледовых мисаев
Как будто брошенный
балюстрада
И разлетелся в брызгах
Они лежат в пыли дорожной,
Едва живые чудеса...
Их собираю осторожно

Буеет

«Колымских рассказов»

Новый срок - **десять лет** - в 1943 году он за чем-то назвал Бунина русским классиком. За этим последовали 4 классические русских стихии: **холод, голод, побои, унижения. Правда, через три года Шаламову улыбнулась фортуна - один колымский врач-фельдшер отправляет его на левый берег, в центральную больницу, и это спасло его писателя.**

Константин КРАВЦОВ

Десять лет назад, в 1997 году, по случаю 50-летия рождения Варлама Шаламова, трудно представить писателя с более трагичной судьбой. Двадцать лет «колымского ада», не считая лет в лагерях до войны, этот ад породившей, одинокая старость в доме для престарелых и наконец смерть в специнтернате для пенсионеров, где он прожил последние дни. Писатель скончался 17 января 1982 года.

Шаламов «претерпел до конца жизни все, что может быть «спасен будет». Он испытал и нашей воле, и судьбы, и эта жизнь — страдание и страдание, подлинное, о званности и достоинстве, но наделенные силы оставить по-яса бытия, и с другим не сравнимое свидетельство о том, что может пережить человек — свидетельство очевидца о таком размахе зла, который покажется в любом другом веке, кроме нашего, фантазмагорией, параноидальным бредом, и о победе над этим злом человеческого духа.

перемежи жизни «вкусно» мажорским и минорным» словами, речь идет не о реорганизации литературы, но о ее безответственной эстетической роли, в том числе «вредности» и «апатии», о об отмене невозможных, «необитаемых» и «недоступных» средств выражения этой в тикали, а равно и представлений о человеке, о добре и зле, порожденных не столько христианством, сколько европейским «просвещением».

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам» —

рах, приходит — почему и откуда? — понимание, что с его точки зрения, из которых складывались его рассказы, и десятилетия, и десятилетия всегда, что машина духовного и физического уничтожения применительно к тебе работала вхолостую, что тебе впрямь всем, что сдвигания, и ты за что себя уважать? Минута, когда машина была бы быть сметены нечистого и навсегда так, что ты бы так же, как и все, и наоборот, определились яснее и точнее, чем раньше, и вообще, что тебе прощенья? Минута, когда с прельстившей или выходящей желанностью открывался, но смерть тебе не страшна, то есть у тебя нет той власти, являющейся наряду с родовым инстинктом, если верить отцу психоанализа, главной целеполагающей мотивацией человеческого поведения и в том числе творчества?

ме, как у Солженицина, а об «этом мире». О героическом внутреннем противостоянии миру сему, а не только миру лагерному, как это со всей очевидностью раскроется в последних, предсмертных стихах Шаламова. Большой, лишенный зрения и слуха старик, торжествует свою очевидную, то есть «силу» этого мира, и понимает, как понимал на нарастающей высоте для Гёте точки человеческого бытия, кто и может сказать «остановись, мгновенье, ты прекрасно», то есть сказать смерти свое «да!», зная, что смерть не перечеркнет этого мгновенья, а сделает его вечным:

Вот так умереть,
как Коперник, от счастья
не раньше, не позже —
теперь,
Когда даже жизнь
перестанет стучаться
В твою одинокую дверь.
Дата похорон его — знак
для всех, кто помнит, что 19

- В 1957 году Шаламов был реабилитирован, вернулся в Москву и, работая в журнале "Москва" внештатным корреспондентом, печатал очерки и зарисовки. Другими редакциями рассказы Шаламова возвращаются - их не устраивает шаламовский "абстрактный гуманизм". Писатель переживает его чрезвычайно тяжело, он чувствует себя ненужным обществу.

- Он был освобожден в 1951-м, но уехать на "материк" не смог.
- В 1952 году волею случая завязывается пятилетняя переписка с самим Борисом Пастернаком, где, по моему личному мнению, Шаламову удалось блеснуть своим писательским мастерством.

- Но он продолжает серьезно работать - в 1961 году выходит в свет сборник стихов "Огниво", в 1964-м - "Шелест листьев", в 1967-м - "Дорога и судьба".
- Еще через четыре года дописана повесть "Четвертая Вологда" (1971), в 1973-м году завершена работа над "Вишерой", "Федором Раскольниковым" и сборником рассказов "Перчатка". Шаламов работал до последних дней - даже в тяжелейшем состоянии здоровья он диктовал стихи и воспоминания.
- Зиму он не любил. Зимой он часто болел, простужался. 17 января 1982 года Шаламов умер.

- В 1987 появились первые серьезные публикации его прозы и стихов из колымских тетрадей. Общество внезапно заинтересовалось его работами, и появились издания сборников "Колымские рассказы", "Левый берег", "Артист лопаты", "Очерки преступного мира", "Воскрешение лиственницы", "Перчатка, или КР-2". Над этой эпопеей автором велась с 1954 по 1973 год - к ней примыкают также "Воспоминания" о Колыме и "Антироман", включающий в себя цикл рассказов о лагерях Вишеры.
- Рассказ «Белка», «Воскрешение лиственницы»

